

Зверёк в ладони отчаянно забился, будто и впрямь разобрал человеческую речь. Гу Минчжоу забавы ради ткнул пальцем в пушистую макушку и с низкой усмешкой проговорил:

— Понимаешь, значит? А я слышал, кроличий бульон из тех, кто обрёл разум, куда полезнее для тела.

Шэнь Эр опешил от такой наглости и, недолго думая, от души впился зубами ему в запястье.

Вот же мерзавец! Собрался его сожрать! Сколько он, Шэнь Эр, себя помнил, это он всегда пожирал других, но уж точно не наоборот!

— Да шучу я, — остудил пыл кролика Гу Минчжоу, убирая улыбку, и равнодушно добавил: — Повезло тебе: сегодня некогда.

Шэнь Эра едва не разорвало от отборной брани, готовый сорваться с языка. Назови он этого подлеца всеми известными словами, тот моментально раскусит его, скрутит и утащит обратно в пещеру — под новую печать.

К счастью, истинный облик кролика не излучал ни капли тёмной ци, так что Гу Минчжоу ни о чём не догадывался.

Нужно взять себя в руки. Ещё одного века в заточении он просто не выдержит.

Гу Минчжоу устремил взгляд к пещере, вокруг которой клубилась и источалась тёмная ци. Раздумывая о чём-то своём, он бессознательно подхватил Шэнь Эра и принялся размеренно гладить его по мягкой спинке.

Ядовитый туман слишком густ. Поднимись он выше прямо сейчас, миазмы отравят и его собственное тело. Стоит дождаться ночи: когда взойдёт луна и духовная энергия небес и земли достигнет пика, рассеять этот яд станет куда проще.

Шэнь Эр понятия не имел, какие мысли бродят в голове у заклинателя, зато отлично чувствовал, как от этих прикосновений его собственный разум застилается туманом. Стоило пальцам Гу Минчжоу коснуться шёрстки, как по телу разлился странный жар, а в голове всё поплыло, словно в тяжелом лихорадочном бреде.

Ощущения на спине были невыносимо острыми. Каждое движение казалось касанием невесомого пера, дразнящим, щекочущим прямо в сердце.

Извиваясь, он попытался вырваться из широкой ладони, но Гу Минчжоу тут же прижал его обратно и совершенно нагло принялся поглаживать и потирать мягкое брюшко.

В уголках глаз Шэнь Эра против воли выступили слёзы. Всякая сила вытекла из лапок; он пытался царапаться, но получалось до смешного слабо, будто он не защищался, а щекотал заклинателя.

Позволять смертельному врагу мять себя как игрушку — неизгладимый позор!

Даже если бы ему не приходилось таить свою сущность, он бы под страхом смерти никому не признался в подобном унижении.

Поглощённый поисками способа разогнать миазмы, Гу Минчжоу не замечал состояния зверька — ни дрожащих ушек, ни отчаянного, готового вырваться наружу плача.

Он гладил кролика без счёта времени, а когда наконец очнулся от раздумий, то обнаружил, что зверь обмяк в его руках тряпичной куклой. Могучая макушка уныло уткнулась в землю, а вот пушистый хвостик, напротив, задорно задрался вверх.

Гу Минчжоу с легким изумлением окинул его взглядом и лениво бросил:

— Неужто так приятно?

«Приятно твоей бабушке!» — хотел рывкнуть Шэнь Эр, но у него не осталось сил даже на мысленный ругательный задор. Глаза заволокло влагой. Он и сам в толк не мог взять, отчего ласка этого мерзавца выбивает из него всю спесь и заставляет тело так странно реагировать.

Единственное, чего он желал всей душой — чтобы Гу Минчжоу провалился сквозь землю, убрался подальше и никогда больше к нему не прикасался.

Но в следующую секунду чужая ладонь накрыла круглый, похожий на помпон хвостик и слегка сжала его.

— Я тебя спросил.

Точно молния прожгла Шэнь Эра от кончика хвоста до самых ушей. Невероятная, сшибающая с ног волна наслаждения затопила каждую клеточку тела, слёзы брызнули из глаз градом, земля ушла из-под ног, и в глазах окончательно потемнело.

Навалилась глухая, звенящая тишина...

Он лишился чувств.

А перед тем как провалиться в небытие, он услышал насмешливый, вальяжный шепоток над

самой головой:

— Надо же, какой сластолюбивый кролик.

Впервые его заточили триста лет назад.

Стояла лютая зима, горы утопали в сугробах. Левый и Правый покровители тогда сразили сотнелетнего демона-тигра и возложили его тушу на алтарь.

Шэнь Эр, облачённый в белоснежные шелка с оторочкой из пуха, восседал в надменной позе. На подоле его одеяния алели брызги тигриной крови, точно распустившиеся цветы сливы. В его чертах сквозила сжигающая гордыня — он был потомком Древнего Великого Зла, повелителем этого мира, питавшимся людской скверной и пороком. Пока в душах смертных живёт зло — Шэнь Эр бессмертен; чем гуще тьма вокруг, тем непреборимее его могущество.

Со дня своего рождения он купался в поклонении и страхе: несть числа было нечисти, трепетавшей перед ним.

И пусть тогда Шэнь Эр едва исполнилось восемнадцать и он считался самым юным среди Великих зол, никто не дерзал перечить его воле.

Стоило ему едва повести бровью, как полчища демонов сбивались с ног, заискивая перед владыкой. Пожелай он отведать мифическую птицу Куньпэн — и подданные со дна морского достали бы её, пожарили и преподнесли на золотом блюде.

Лениво опустив взгляд, Шэнь Эр коснулся кончиком пальца лба тигра. Этот зверь сожрал немало людей, его дух исходил чёрной скверной и жаждой мести. Вырвись эта злоба наружу — она испепелила бы целую провинцию, но для Шэнь Эра она являла собой изысканнейшее лакомство.

От касания из мертвой головы повалил густой, клубящийся дым переполнявших монстра пороков, и Шэнь Эр втянул его в себя без остатка.

Насытившись, он удовлетворенно прищурился, откинулся на спинку трона и обвёл взглядом склонившихся у подножия алтаря подданных.

И именно в тот миг начался его кошмар.

На вершине утёса возник человек в белоснежном одеянии с мечом в руках. Он безмолвно взирал на пиршество издали.

Шэнь Эр даже не уловил, когда тот появился — мечник подобрался бесшумно, точно дух.

«Неужто нашёлся дурак, сам пришедший на погибель?»

В те дни Шэнь Эр слишком долго считался непобедимым. Молодой, спесивый, он не ведал, насколько опасен мир.

Заклинатель не ответил. Он стоял неподвижно, и лицо его застилала туманная дымка, не позволяя разглядеть выражение глаз.

А затем, плавно обнажив клинок, он метнулся вперёд подобно молнии.

Один удар — и меч пронзил сердце.

Впервые в жизни Шэнь Эр узнал, каково это — ощущать ледяную пустоту в груди. Смертоносное дыхание меча выжгло в его плоти зияющую рану, сквозь которую гулял студёный ветер, но князь демонов лишь замер в оцепенении, потеряв способность мыслить.

Впрочем, едва дикая боль утихла, тело принялось восстанавливаться. Как Великое зло, сотканное из нечистых помыслов, он не ведал смерти: разбей его плоть в прах — и он восстанет вновь.

— И впрямь, древнее отребье, — тихо усмехнулся мечник.

Он мёртвой хваткой сжал горло Шэнь Эра и с силой впечатал его в трон.

Левый и Правый покровители ринулись на выручку владыке, но были отброшены единым взмахом клинка на десятки шагов.

Шэнь Эр в ярости вцепился в чужое запястье, однако мог лишь смотреть, как мечник безмятежно прокусывает себе палец и выводит собственной кровью запечатавающие знаки прямо у него на лбу.

Кровь кипела от обиды, но тело не слушалось, а из пережатого горла не вырывалось ни звука.

Уже теряя сознание от удушья, сквозь наплывающую тьму он услышал ледяной, невозмутимый голос:

— Древнее Великое Зло. Каждые сто лет я буду возвращаться к тебе.

— Запомни имя того, кто смирил тебя.

— Имя мне — Гу Минчжоу.

Гу Минчжоу.

Шэнь Эр слышал это имя.

В то же мгновение его душу захлестнули липкий страх и беспросветное отчаяние.

Гений из клана Гу, прославившегося своими печатями. Совсем юный, он уже успел истребить и заточить не один десяток могущественных чудовищ.

Слуги предупреждали Шэнь Эра, просили залечь на дно и не привлекать внимания, пока Гу Минчжоу бродит неподалёку.

Но тот всё равно нашёл его.

Этот юнец обладал жуткой, несокрушимой силой — Шэнь Эр не сумел дать даже малейшего отпора. Хуже того, охотник словно забавлялся, хладнокровно смакуя чужие мучения, и вознамерился возвращаться каждые сто лет, дабы возобновлять истязания.

Да разве это человек?!

Настоящее исчадие ада!

Нельзя просто так сдать позиции! Как мог он, великий потомок Древнего Великого Зла, позволить какому-то мальчишке шпынять себя, точно паршивого пса?!

Собрав последние силы, Шэнь Эр на грани угасания сознания повиновался инстинкту и из всех сил впился зубами в запястье Гу Минчжоу.

Тот от удивления разжал пальцы и негромко фыркнул:

— Ты что, кролик? От страха кусаться надумал?

Оставив в покое шею, Гу Минчжоу опустил ладонь ниже. Дописывая последние знаки печати, Гу Минчжоу с двусмысленной усмешкой добавил:

— А ведь я обожаю кроликов. Дай-ка поглажу... Коли потешишь меня, так и быть, сохраню тебе жизнь...

Шэнь Эр онемел.

Сгорая от гнева и смущения, он возопил:

— Ах ты скотина! Как ты смеешь распускать руки в отношении Меня?! Я тебя уничтожу!

Однако тело не повиновалось. Наглая ладонь, словно змея, сползала всё ниже, готовая пересечь последнюю запретную черту, как вдруг...

Откуда ни возьмись, выскочила седая старушка.

«Внучек мой драгоценный! Ни в коем случае не позволяй людям трогать свой животик и хвостик! Наш род Древнего Великого Зла оттого от века не показывается смертным в истинном обличье, что от прикосновений к этим заветным местам можно понести!»

Шэнь Эр оторопел:

«Прабабушка?! Но как ты выжила?!»

Странно, ведь она почилла сотни лет назад... Да и речи её звучали дико.

«Глупое дитя, я явилась в твой сон! Запомни крепко-накрепко: погладят — и зачнёшь... зачнёшь... зачнёшь...»

Эхо старушечьего голоса угасло вместе с её силуэтом, и Шэнь Эр в ужасе распахнул глаза.

Это был всего лишь сон. Безумный, кошмарный сон о том, как Гу Минчжоу помогает его.

Гу Минчжоу понаглаживал кролика и ушёл.

А кролик остался обливаться слёзами.

Предостережение прабабушки всё ещё звучало в ушах, вот только поздно: Гу Минчжоу уже перешуupal все запретные места вдоль и поперёк!

Шэнь Эр в панике опустил взгляд на свой живот — тот и впрямь округлился! Раньше там точно не было никакой жировой прослойки!

Пропал! Он погиб!

Хорошая новость: Гу Минчжоу не раскусил его подлинную сущность.

Плохая новость: он понёс.

И чье же семя вызревает внутри?! Гу Минчжоу!

Шэнь Эр разрыдался. Ну почему прабабушка не подала знак раньше?!

И что теперь делать?! Пусть он Великое зло, но всё же мужчина! Каково мужчине вынашивать дитя?! А хуже всего то, что отец ребёнка — его заклятый враг. Как он мог понести от Гу Минчжоу?!

Все триста лет заточения он грезил лишь о том, как спустит с этого мерзавца шкуру. И вот результат: этот хладнокровный, двуличный выродец обрюхатил его!

Отродья Сумина из века в век рождались из чистой людской скверны! Где это видано, чтобы Великое зло появлялось из чрева?! Наследие Сумина непреложно: как только на свет появляется новое поколение, прежнее утрачивает силу и смысл. Выходит, этот плод станет новым Великим злом?!

Когда его запечатали, ему едва стукнуло восемнадцать. Он вкушал радости жизни всего ничего, а после провел три века во тьме!

И едва вырвавшись на свободу, он должен уступить место сосунку?! На кой чёрт он тогда вообще появился на свет — чтобы послужить фоном для подвигов Гу Минчжоу?!

Ярость и обида захлестнули Шэнь Эра с головой. Он сжатыми в кулаки пальцами выдрал сочную траву с корнем и поклялся всеми владыками преисподней: даже с дитятей под сердцем он не простит Гу Минчжоу этой обиды!

Он отомстит. Задействует яд, ловушки, подлейшие уловки — сделает всё, лишь бы заставить Гу Минчжоу корчиться в мучениях!

И тут в его голове созрел дерзкий замысел.

Гу Минчжоу распускал руки и обрюхатил его.

Вина полностью лежит на заклинателе, а сам Шэнь Эр — невинно пострадавшая жертва. Если заставить Гу Минчжоу привязаться к неродившемуся дитяти, разбудить в его чёрством сердце отцовскую нежность, тот не поднимет на них руку. Стоит человеку обрести слабость — и он становится уязвим.

Втереться к нему в доверие, усыпить бдительность...

...а затем всадить ножевой удар прямо в сердце!

<http://bllate.org/book/20310/2105715>